

ОТЗЫВ

**на диссертационное исследование Кравченко Михаила Александровича
«Интегральная неоструктуралистская лингвосемиотическая модель
обыденного метаязыка», представленное на соискание ученой степени доктора
филологических наук по научной специальности 5.9.8. Теоретическая,
прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика**

Рецензируемая диссертация М. А. Кравченко посвящена фундаментальной и междисциплинарной проблеме – построению комплексной лингвосемиотической модели обыденного метаязыка в рамках современной интегральной парадигмы. Изучается метаязыковая рефлексия как способность носителей языка осмыслять и вербализовать собственные языковые действия.

Выделенные автором функциональные модели обыденного метаязыка убедительно доказывают, что метаязыковая рефлексия обычного носителя языка – это не хаотичный набор реплик, а структурированная, иерархически организованная семиотическая система.

Достоверность полученных результатов обеспечивается, во-первых, репрезентативным объемом проанализированного эмпирического материала (нативные тексты, дискурсивные практики); во-вторых, верифицируемыми методиками лингвосемиотического и контекстуального анализа; в-третьих, построением интегральной непротиворечивой трехмерной модели обыденного метаязыка, описанного в качестве интерпретирующей системы языка-объекта и функционирующей в границах семиотических измерений семантики, синтактики и прагматики.

Представленная к защите диссертация представляет большой интерес (=актуальность) сразу по нескольким причинам. Во-первых, это попытка обратить внимание на проблему, которая остается малоизученной именно в силу своей кажущейся очевидности (оксюморонность такого словосочетания есть не игра слов, а отражение ситуации). Так, обыденный язык является объектом не только лингвистики, но и аналитической философии и смежных когнитивных дисциплин. Соответственно, он становится объектом метаязыкового описания, которое призвано моделировать способности носителей языка говорить и понимать. Но при этом упускается из виду, что язык в первую очередь – это достояние самих говорящих, объект их восприятия и

рефлексии, которое лишь в крайне незначительной мере может регулироваться мета-описаниями научного или нормативного характера. Между тем, в лингвистике в качестве доминирующего мы видим прямо противоположный подход: нормативные описания претендуют на то, что они являются *правильным* (или адекватным) представлением компетенций говорящих, которым остается следовать предписаниям лексикографов и экспертов по культуре речи. Вполне допустимый в сфере преподавания иностранных языков, этот подход настолько усилился, что претендует получить чуть ли не законодательное закрепление. Исследование М.А. Кравченко позволяет вернуть проблему к ее истокам – показать, как благодаря коммуникативным практикам его носителей, язык как бы сам описывает себя. Уже на основе этих само-описаний можно строить многопорядковые метаязыковые модели, как лингво-семиотические, так логические и когнитивистские.

В отличие от традиционных подходов к метаязыку, в диссертации впервые:

- Обыденный метаязык концептуализируется как сложная гетерогенная семиотическая система.
- Построена многомерная интегральная лингвосемиотическая модель, описывающая нативные формы вербализованной рефлексии.
- Типологизированы и систематизированы операциональные единицы обыденного метаязыка, функционирующие в реальной речевой деятельности.
- Метаязыковая функция рассматривается как синтез семантических и прагматических факторов, где процессы самоописания даны в единстве с механизмами регулятивными.

Помимо выбранной проблемы, новаторским следует признать и обращения к тому, что автор, следуя в том числе и моим работам, называет неоструктуралистской парадигмой. Разработка неоструктуралистского подхода, основанного на принципах холизма, таксономичности, многомерности и текстоцентризма, видится исключительно своевременной и теоретически востребованной. Это создает возможность дополнения сохраняемых принципов системно-структурного описания многомерными функциональными параметрами и условиями, и, по всей вероятности, впервые показать пути их реализации на практике.

Положительно оценивая масштаб и глубину проведенного исследования, в рамках научной дискуссии хотелось бы высказать несколько пожеланий и уточняющих вопросов:

1. Дело в том, что начиная с ранних работ по поэтической функции языка (установка на слово) и до классической – о функциях языка, Роман Якобсон, говоря о метаязыковой функции, не уточняет, направлена ли она на означаемое, или на означающее, или же на отношение между ними: что же именно предстает как «слово как таковое»?

Такое неразграничение открывает чересчур широкие возможности для того чтобы отнести то или иное языковое явление к сфере обыденного метаязыка. Видимо, существуют определенные интуитивно осознаваемые границы. Например, по-моему, вполне справедливо, в диссертации не рассматриваются как метаязыковые стихотворения о языке (в том числе и знаменитое Тургеневское стихотворение в прозе или стихотворение Гумилева), высказывания писателей о языке, а также схожие рассуждения философов и лингвистов – например, М. Хайдеггера и Л. Витгенштейна. Но неясно, на основе каких критериев? Исходя из чисто формальных критериев, они также могут быть отнесены к пусть и стилистически маркированному обыденному метаязыку.

При этом при обращении к иерархии, следует учесть, что иерархия между объектным и метаязыковым уровнями в обыденном метаязыке отличается от иерархии логических метаязыков. Здесь возникает нечто вроде семиотической запутанности – что сейчас принято называть это «странной петлей Хофштадтера» – когда знаковые конструкции более высокого уровня соскальзывают «вниз» на исходный (насколько мне известно, впервые это явление описал Ролан Барт как феномен постоянно вращающегося семиотического турникета, правда применительно к денотативному/коннотативному уровням – см. «Миф сегодня»). Неучет этих двух положений приводит к некоторой разнородности таксономии, когда в одном классе могут оказаться достаточно сильно различающиеся феномены.

2. Наиболее существенным пробелом, на мой взгляд, является отсутствие упоминаний о Луи Ельмслеве и его разграничении между научной и не-научной метасемиотикой. Он не только ввел понятие метаязыка раньше Э. Хаугена, лишь заимствовавшего это понятие от Альфреда Тарского, но и дал ему глубокое семиотическое обоснование. Помимо приоритета, Л. Ельмслев дал четкий критерий выделения метаязыка – это семиотическая система, у которой планом содержания также является знаковая система. При этом он разграничивает научную (т.е. удовлетворяющую научным критериям описаниям) и ненаучную метасемиотику.

Следует отметить, что дальнейшие пояснения Ельмслева несколько запутаны, и он не дает не только конкретных решений, но даже иллюстраций к им же поставленным проблемам. Тем не менее основной критерий достаточно понятен. Исходя из него возможно выделить базовый словарь обыденного метаязыка – это знаки, денотатом которых также являются знаки (такие слова, как «слово», «знак», «речь», и т.п.), и все завышенные слова естественного языка. Видимо, в исходный словарь войдут операторы, которые переводят знак в метаязыковый регистр (*так называемый, говоря* и т.п.), которые подробно рассмотрены в диссертации, но их разграничение дано *ad hoc*. Строго говоря, в диссертации представлено то, как проявляется метаязык, как он функционирует, но собственно описание метаязыка как системы дается фрагментарно. Наиболее близкое к нему описание дано в разделе о лексической системе метаязыка – но и здесь возможно было ввести некоторый методологический критерий, если не словник, то хотя бы принципы его выделения (например, выделить те лексические единицы, в толковании которых имеются исходные единицы «слово», «смысл», и т.п.).

3. С этим связано и другое. Поскольку исследование претендует на открытие нового направления, хотелось бы в качестве пожелания указать на следующую открывающуюся перспективу. Продолжая концепцию Л. Ельмслева, Э. Бенвенист определял естественный язык (ЕЯ) как универсальный язык-посредник, как семиотику, на которую могут быть переведены другие семиотики («Семиология языка»). Так как Э. Бенвенист, видимо, имел ввиду именно обыденный метаязык, то в свете описанного М.А. Кравченко эмпирического материала и обрисованной им концепции можно выделить и такую проблему: *обыденный метаязык как универсальный посредник*, как он работает применительно к отличным от ЕЯ знаковым системам. Отсюда же и парадоксы – учитывая, что ЕЯ является метаязыком в том числе и для самого себя. Парадоксы возникают как намеренное смешение единиц языка-объекта и метаязыка (начиная с парадокса Хрисиппа: «телега вылезает из твоего рта»).

4. Разумеется, нельзя объять необъятное, тем не менее укажу еще на один из замеченных мною пробелов. Диссертант использует термин *метапрагматика*, но без обращения к работам Майкла Сильверстейна (Michael Silverstein), который ввел этот термин в обиход и активно его разрабатывает вкупе с последователями этого подхода (в первую очередь, это Дж. Вершурен, из российских лингвистов отметим В.Е. Чернявскую, чьи работы также оказались незамеченными). Между тем, многие

из его примеров могли бы быть отнесены именно к сфере метапрагматики, они регулируют не столько характеристики знаков, сколько их употребление. Во избежание недоразумений оговорим, что я не сторонник строгих разграничительных линий между семантикой и прагматикой, а скорее их синтетического рассмотрения, где метапрагматика существенно дополняет метаязыковые интерпретативные механизмы.

5. Правильным представляется мысль о возможной грамматикализации. Однако здесь смущает то, что говоря о грамматикализации, игнорируется параллельный процесс прагматикализации. М.А. Кравченко, справедливо указывая на Антуана Мейе как первого, кто описал это явление, неправомерно игнорирует авторов 90-х годов, благодаря которым эта теория получила современный вид: Кристиана Лемана (Lehmann), Элизабет Траугот (Traugott), Берда Хейне (Heine), Габриэле Дивальд (Diewald). Дело опять-таки не в библиографической полноте, а в том, что грамматикализация рассматривается в со- и противопоставлении с параллельно протекающим процессом прагматикализации, фиксированием дискурсивных маркеров. Грамматикализация относится этими авторами к синтаксису (морфология появляется как сопутствующее явление), а прагматикализация – к дискурсу. В приводимых диссертантом примерах грамматикализации¹ мы видим скорее дискурсивные маркеры, то есть проявления прагматикализации. Заметим, что в этом вопросе М.А. Кравченко корректирует ситуацию, вводя понятие «композиционно-содержательных структур метатекста», а также чрезвычайно продуктивные понятия «регулятивы» и «метаоператоры» (разработка последних – одна из удачных находок диссертанта). Так что в дальнейшем можно ожидать интересного и более строго развития этих заявленных тем.

6. Замечу, что обыденный метаязык имеет еще одну особенность. Он не только описывает слово-знак как референт, но и добавляет модальные (в первую очередь, оценочные характеристики, а также возможные отсылки к «чужому слову»). В этой связи наблюдения и размышления диссертанта о креативности и экспликации скрытых смыслов навели меня на следующую идею. Естественно-языковой знак

¹ Ср.: «Грамматический метатекст... Он формируется посредством грамматикализации многочисленных вводных слов и оборотов, как правило, содержащих глаголы речевых действий в качестве одного из своих элементов («короче говоря», «кстати сказать», «что называется», «иначе говоря» и др.) – с. 289 диссертации.

(слово или предложение) выступает одновременно и как метазнак, и как знак-коннотат. Приводимое автором расширение триады Огдена-Ричардса путем введения координаты *скрытого смысла*, правильно, но не учитывает, что этот скрытый смысл также нуждается в знаковом закреплении. Им может быть тот же знак, но уже переосмысленный. В одном из телерепортажей я нашел прекрасный пример: надпись «Шебекино не склоняется». Это с одной стороны, и чисто метаязыковое утверждение (существительное «Шебекино» не склоняется, то есть не изменяется по числам и падежам); с другой — в контексте текущих событий «не склоняться» приобретает смысл «не сдаваться», а имени «Шебекино» возвращается первоначальный денотативный смысл — именование города. Как видим, возникает «перпетум мобиле» — существительное «Шебекино» отсылает к городу «Шебекино», как и два указанных значения «склоняться». Как видим, факт русской грамматики переосмысливается как исторический факт, а скрытый смысл заключается именно в *переосмыслении*: денотат приобретает характеристики коннотата, и имя «Шебекино» становится символом. В то же время истинность такого преобразования гарантируется бесспорной истинностью метаязыкового утверждения *«Шебекино» не склоняется*.

Это показывает, что связь знака со скрытым смыслом строится именно по принципу странной петли, где возникают знаки знаков, но они не сводимы к метаязыковым утверждениям. Возможно выдвинуть такое предположение, что в ЕЯ любой коннотат требует метаязыковой фиксации (называя девушку «розой», говорящий опирается на фиксированные в данном языке значения, в противном случае требуется экспликация того, что он имел ввиду).

В эту концепцию укладывается возможность переоформления означающего, что приводит к порождению новых смыслов-композигов: это описанные автором как примеры языковых игр и креативности: *кастеляниша — от кости, райком — как райский комитет, Традиция — Теодицея — Тродицея*. Однако у меня остается сомнение, насколько доминантной в этих случаях оказывается метаязыковая функция, в принятых терминах это скорее проявление поэтической. Поясните свое утверждение о доминировании именно метаязыкового функционала при порождении подобных интерпретаций.

7. Уточнение процедур экспликации скрытых смыслов поможет уточнить и таксономию исследуемых явлений. И тогда следует исходить из того, что в данном случае является доминантным, предопределяющим другие сопутствующие смыслы.

Например, я не согласен с интерпретацией как метаязыкового следующего примера:
Это, по Вашему, борщ – (из разговора в кафе)

Очевидно, что темой высказывания является не правильность номинации, а несоответствие качества блюда ожиданиям клиента. Речь идет не о слове «борщ», а о борще без кавычек. Хотя, безусловно, можно заметить и метаязыковый след. Можно реконструировать деривативную историю – где на первом, невыраженном уровне можно выделить собственно метаязыковый компонент, а остальные уже настраиваются на него: *То блюдо, которое в меню обозначено как «борщ», не соответствует привычным представлениям об этом блюде*, то есть от «референта – борща – как слова» намечается возвращение к «референту борщу как блюду». В особом контексте – на уроке по лингвострановедению – это высказывание могло быть метаязыковым вопросом, но в приводимом примере это тем не менее замаскированное под риторический вопрос утверждение о качестве борща, а не о референции его знака «борщ». ² Как видим, намеченная Л. Ельмслевом иерархия семиотик, в случае естественного языка предполагает возможность нисхождения от семиотики первого порядка к семиотике нулевого (где означаемое или означающее не являются знаками).

8. Из других навеянных диссертацией пожеланий – это разграничить регулятивные, метаязыковые и креативные характеристики *языковых игр* – чтобы потом показать, что, как правило, они выступают совместно. Тем не менее они основаны на различных принципах, и если вернуться к Л. Витгенштейну, то наиболее близкой аналогией будут те игры, правила которых могут в процессе игры уточняться, обсуждаться и даже меняться. Поэтому можно, в целях более строгого разграничения, дополнить классическую схему функций языка Романа Якобсона – из ее многочисленных уточнений напомним схему Умберто Эко («Роль читателя»), где эксплицитно выявлены возможные несоответствия между системами кодирования и декодирования адресата и адресанта. Она предполагает дополнительные механизмы, направленные на то, чтобы привести в соответствие возможные интерпретации. Тем самым могут получить новое прочтение и особую значимость хорошо описанные диссертантом метаоператоры и регулятивы.

² Замечу, что, видимо, стоило сократить количество примеров, удалив спорные. Например, не всегда обоснованы критерии их выделения, почему и может возникнуть непонимание – например, дано как проявление вежливости: *Это, говорит, товарищи учителя, не школа, а, простите, бардак!* (М. Веллер «Лаокоон» // БД № 2026620743); я вижу здесь скорее цитату (воспроизведение слов) и снятие ответственности за *чужие слова*. Заметим, что выражения *Так сказать как говорят* – ориентированы на снятие с себя ответственности за высказываемые номинации.

9. Учитывая, что это начало большой работы, можно также предложить сузить круг рассматриваемых явлений, чтобы вернуться к ним по мере кристаллизации основных положений. Так, говоря о прагматике, и учитывая тесную связь *слова и дела*, надо учесть, что не всегда метаязыковые маркеры относятся к языку. Например,

Все это значило друзья

С приятелем стреляюсь я

есть не столько ре-интепретация сказанного, сколько экспликация интенций Ленского.

10. Наконец, чисто библиографическое уточнение – впервые термин *неоструктурализм* и его принципы были изложены в написанном мною в 2012 г.³

Как видим, диссертация М.А. Кравченко, как настоящее интересное исследование, открывая новые перспективы, вызывает и новые вопросы, и это следует отнести не к недостаткам, а к достоинствам исследования. Она заставляет думать, возможно, кое-где – спорить, но не на пустом месте, а относительно актуальных и по-новому осмысленных ключевых проблем.

Диссертационное исследование имеет устоявшуюся академическую структуру, отличается строгой логикой развертывания научной мысли и концептуальной цельностью.

Диссертация Кравченко Михаила Александровича «Интегральная неоструктуралистская лингвосемиотическая модель обыденного метаязыка» является самостоятельным, завершенным и фундаментальным научным исследованием, в котором решена крупная научная проблема, имеющая важное значение для теоретического и прикладного языкознания.

Автореферат и публикации полностью отражают основное содержание работы. Основные положения были опубликованы в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ, апробированы на многочисленных международных конференциях (61 научная работа – 3 монографии, 5 статей в изданиях, индексируемых в Scopus, и 23 публикации в журналах, рекомендованных ВАК, а также Свидетельство о регистрации базы данных, репрезентирующее исследовательский корпус).

³ Золян С. Т., Лотман М.Ю. Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллинн: Изд-во -во Таллиннского университета, 2012.

Диссертационное исследование «Интегральная неоструктуралистская лингвосемиотическая модель обыденного метаязыка» представляет собой научно-квалификационную работу, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для теоретической лингвистики, прагмалингвистики, дискурсологии, семиотики, отвечает квалификационным требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, и соответствует пп. 9-11, 13 и 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 16.10.2024 г.). Считаем, что Кравченко Михаил Александрович достоин присуждения ему ученой степени доктора филологических наук по заявленной специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Против включения персональных данных, заключенных в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

«28» августа 2026 г.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук (10.02.19 – Теория языка,
10.01.08 – Теория литературы. Текстология),

профессор, главный научный сотрудник

ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный
университет им. И. Канта»

Сурен Тигранович Золян

Контактная информация:

ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта» (БФУ им. И. Канта)

Адрес организации: 236041, г. Калининград, ул. А. Невского, д. 14

Телефон: +7 (4012) 59-55-95

e-mail: surenzolyan@gmail.com

сайт организации: <https://www.kantiana.ru>

